

Глава 12

Иньти долго оставался в кабинете Фухэна, прежде чем тот наконец отпустил его. Выйдя за порог, мальчик глубоко, с облегчением вздохнул: скрытный и до крайности осторожный отец оказался крепким орешком — провести его было задачей не из легких.

Фулунъань со сложным чувством смотрел на своего семилетнего третьего брата. Шаг ребенка был стремительным, но удивительно размеренным, во всей осанке сквозила уверенность, а лицо оставалось бесстрастным. Вспоминая уверенные речи этого не по годам развитого мальчика и его твердый взгляд, Фулунъань впервые осознал: в младшем брате почти не осталось детской мягкости. В нем проступала острая, едва сдерживаемая сталь — точно в клинке, который только начали затачивать. Относиться к нему как к несмышленому дитяти более не имело смысла.

Фулинъань молча прошел мимо, ободряюще похлопав брата по плечу. Тот лишь тяжело вздохнул и поспешил следом на тренировочную площадку.

В кабинете воцарилась тишина. Фухэн еще долго сидел неподвижно в своем кресле. Прикрыв глаза, он горько, но тепло усмехнулся. Дети выросли. У них появились собственные тайны и собственная воля, а значит, и свой путь в этом мире им придется пробивать самим...

Иньти мало заботило, что творится в душах его новообретенных родичей. Все его мысли занимала подготовка верных людей. За последние годы он приложил немало усилий, чтобы соткать тайную сеть — и все ради одной цели: отыскать Иньжэна. Поиски заставили его раскинуть невод чрезвычайно широко, опутав связями множество влиятельных лиц. Теперь, когда цель была достигнута, пришел черед исполнить клятву, данную в прошлой жизни. Его людям требовалась суровая закалка — они должны были стать несокрушимым щитом для его ненаглядного брата.

Если же Фухэн или кто-то еще решит вмешаться... Иньти лишь презрительно усмехнулся. Неужели он, проживший две жизни, не сумеет управиться с подобным пустяком?

Император Цяньлун благоволил Фухэну. Понимающий с полуслова, скромный и до крайности щепетильный в делах — он был тем редким приближенным, которому государь доверял безоговорочно. К тому же и сыновей своих чиновник воспитывал в строгости.

В этом году одиннадцатому принцу Юньсину и двенадцатому принцу Юнцзи предстояло войти в стены Императорской школы. Настало время подобрать им достойных компаньонов.

Цяньлун неторопливо выбивал пальцами дробь по лакированной столешнице. Третьему сыну Фухэна как раз исполнилось семь лет. До государя уже дошли слухи, что сегодня мальчик мельком виделся с маленьким Юнцзи. Характер двенадцатого принца был замкнутым, робким

и полным внутренним противоречиям, однако он оставался безобидным — не трогал других, пока не трогали его.

Цяньлун мягко улыбнулся. Что ж, решено. Стоит присмотреться к этому союзу. А для Юньсина придется выбирать компаньона еще тщательнее...

Вернувшись в Запретный город, Хунши велел везти коляску прямо к Обители принцев. Едва ступив на порог, он немедленно послал за лекарями из Императорской палаты, а заботу об Иньжэне поручил Линь Яо. Мальчик понимал, что скрыть случившееся от хозяйки дворца Икунь, императрицы Налы, не удастся — подобные вести разлетались по дворцу мгновенно, доходя до ушей каждого господина. Однако действовать напролом было нельзя. Хунши приказал Ли Сяну шепнуть обо всем принцессе Хэань. Требовалось подготовить почву: если недоброжелатели донесут весть первыми и спровоцируют гнев Налы на тех, кто сопровождал принца, беды не миновать. Среди свиты были не только люди из клана Уланара, но и представители менее знатных семей. Стоило обидеть их — и слухи о «странной болезни» двенадцатого принца мгновенно обросли бы грязными кривотолками. Кто-то должен был мягко, но уверенно удерживать императрицу от опрометчивых шагов.

Восседа в кресле с важностью, приличествующей его высокому происхождению, трехлетний Хунши неторопливо раздавал указания сопровождавшим их гвардейцам. В каждом его жесте сквозило врожденное величие правящего дома. Стражники, прекрасно понимая намек, поспешили заверить маленького господина в своей преданности и слепоте: они ничего не видели, ничего не слышали и уж точно не станут плодить пустые сплетни.

Хунши, искусно разыгрывая роль серьезного, подражающего взрослым ребенка, благосклонно кивнул. Он не спеша перечислил имена присутствующих — тонкое напоминание о том, что их судьбы теперь в его руках, — после чего отпустил их. Но стоило тяжелым дверям начать закрываться, как напускное спокойствие мигом слетело с его лица. Спрыгнув со стула, он со всех ног бросился во внутренние покои.

Заметившие эту перемену стражники переглянулись, и их тревога улеглась. Обыкновенный смысленный ребенок, решивший поиграть во взрослого владыку, — а ведь на мгновение они действительно поддались его авторитету! Впрочем, они слишком хорошо знали дворцовые законы, чтобы понимать, где пролегает граница между дозволенными речами и верной гибелью.

Войдя во внутренние покои, Хунши мгновенно переменился в лице. Маска детской непосредственности растаяла, уступив место взрослой сосредоточенности. Здесь, среди своих, притворяться больше не имело смысла.

Взгляд его упал на бледное, осунувшееся лицо спящего Иньжэна. Хунши крепко сжал кулачки. Разум твердил, что его второму дяде ничего не угрожает, но сердце все равно сжималось от липкого, первобытного страха.

Взобравшись на постель, он тихонько прилег рядом с Иньжэном. Всю его жизнь Хунши отчаянно нуждался в опоре — сначала это была матушка, затем брат Хунси, дядя Иньсы... Но здесь, в чуждом и пугающем мире нового воплощения, единственным якорем, напоминавшим о его прежнем «я» и оберегавшим его все эти три года, оставался именно Иньжэн. Мысль о потере этого человека приводила его в ужас. Осторожно взяв тонкую, холодную ладонь Иньжэна, он прижал ее к своей щеке и беззвучно поклялся:

«Второй дядя, я больше не буду слабым. Отныне я стану твоей защитой»

— Двенадцатый принц занемог, к нему спешно созвали лекарей! — от этого известия императрица Нала побелела и резко вскочила, покачнувшись от внезапной слабости.

Лишь благодаря мягким, успокаивающим речам Хэань ей удалось совладать с собой и не поддаться панике, которая могла бы наделать много шума во дворце. Немного придя в себя, императрица поняла, что не уснет, пока не увидит сына собственными глазами, и поспешила в покои Иньжэна.

При виде бледного, неподвижного мальчика силы окончательно оставили ее. Поддерживаемая Хэань и матушкой Жун, она опустилась на край постели и судорожно сжала ладошку сына. Убедившись, что его лоб не горит в лихорадке, Нала облегченно выдохнула.

Однако стоило лекарю пуститься в пространные, путанные рассуждения, щедро пересыпанные заумными медицинскими терминами, как едва утихший гнев императрицы вспыхнул с новой силой. Нала уже собиралась обрушить на нерадивого целителя всю свою ярость, как вдруг почувствовала слабое натяжение шелка. Ее младший сын, до того сидевший с на удивление серьезным лицом, робко потянул ее за рукав, глядя на нее полными слез, несчастными глазами. Сердце Налы болезненно сжалось. Ее дети выросли слишком быстро — они уже научились скрывать свои тревоги за напускным спокойствием и разыгрывать перед ней целые представления, лишь бы уберечь ее от лишних волнений.

«Какая же я никудышная мать...» — мысленно упрекнула себя Нала, со вздохом прижимая к себе младшего сына.

Мастерство старого лекаря Лю принесло свои плоды: уже на следующее утро Иньжэн пришел в себя. Силы вернулись к нему, однако слуги окружили его постель такой плотной стеной мольбы и страха, что принцу не оставалось ничего другого, кроме как смириться с постельным режимом. Полулежа на мягких подушках, он слушал неторопливый доклад Линь Яо о последних событиях в Запретном городе.

Новость о том, что его компаньоном назначен племянник покойной первой императрицы, застала Иньжэна врасплох. Пока он размышлял над тайным умыслом Цяньлуна, двери покоев распахнулись — его царственные братья явились засвидетельствовать свою «родственную заботу».

Каждый из них упражнялся в красноречии, маскируя ядовитые колкости под напускное беспокойство о здоровье вечно хворающего брата. Четвертый принц Юньчэн высказался без обиняков:

— Братец Юнцзи, ну и хилое же у тебя здоровье. Стоило получить высочайшее дозволение на прогулку и выпить жалкую чарку вина, как ты поднял на ноги весь дворец. Лежи уж, поправляйся и не доставляй больше никому хлопот.

Иньжэн прекрасно понимал цену этим визитам. Косые взгляды и завуалированные насмешки не могли уязвить его — в прошлой жизни он наслушался вещей куда более горьких и изошренных. Больше его беспокоило отсутствие Хунши, который обычно не отходил от него ни на шаг, а теперь словно сквозь землю провалился.

Вскоре пустая болтовня окончательно наскучила принцу. Сославшись на слабость и утомление, он без лишних церемоний выставил гостей за дверь. Как только за ними закрылась дверь, Иньжэн велел Линь Яо немедленно привести тринадцатого принца. Откинувшись на спинку кровати, он прикрыл глаза, погружаясь в легкую дремоту, пока тишину не нарушил звук торопливых шагов.

Увидев насупившегося Хунши, Иньжэн не сдержал улыбки. Подавшись вперед, он поймал подошедшего мальчика и крепко прижал к себе, протянув ласково:

— Тринадцатый... Юнцзин... Хунши...

Услышав этот вкрадчивый, чуть насмешливый голос, Хунши понял, что великий наследный принц снизошел до редкой уступки. Но обида и горечь последних часов все еще бурлили в его детском теле, поэтому он лишь упрямо уткнулся носом в грудь Иньжэна.

Почувствовав это робкое движение, Иньжэн мягко погладил племянника по спине. Этот мальчик всегда отличался ранимостью и вечным страхом быть покинутым. Вчерашний случай, без сомнения, перепугал его до смерти. Иньжэн мысленно вздохнул: характер у мальчишки был непростой, обиды он копил глубоко, и теперь придется изрядно постараться, чтобы растопить этот лед.

Впрочем, бывший наследник престола и сам чувствовал себя обделенным заботой. Тело все еще ломило после болезни, а вместо сочувствия ему приходилось самому нянчиться с чужими обидами. Он ведь не желал пугать Хунши умышленно — просто чувства в тот миг взяли верх над разумом.

Но долг старшего требовал великодушия. Иньжэн вновь заговорил вкрадчивым, медовым голосом:

— Хунши, почему ты молчишь? Твоему брату так одиноко и грустно...

В ответ Хунши лишь посмотрел на него покрасневшими глазами, уставившись колючим, сердитым взглядом.

Видя эту безмятежную, цветущую улыбку, Хунши почувствовал, как внутри все закипает от досады. Неужели второй дядя думает, что его гнев — лишь пустая забава? В один миг выражение его лица изменилось, он вежливо усмехнулся, и на смену обиде пришла ледяная, расчетливая вежливость.

— Братец... сладко ли тебе спалось этой ночью? — ласково, точно весенний ветерок, пропел Хунши.

Иньжэн невольно поежился. Повеяло нешуточным холодом.

Хунши тем временем стащил туфли, забрался на постель и заботливо подоткнул одеяло повыше, к самым плечам Иньжэна. Осознав, как глупо выглядит его забота на фоне недавней обиды, он насупился еще сильнее. А когда он перевел взгляд на сияющее лицо своего «старшего брата», его недовольство, казалось, готово было материализоваться в воздухе тяжелой грозовой тучей.

Иньжэн, видя, что над ними вот-вот разразятся громы и молнии, поспешно подавил смех. Он увлек племянника под одеяло, укутав их обоих в теплый кокон, и решительно сменил тему разговора:

— Хунши, что ты думаешь о Фуканъане? Его назначили моим компаньоном. Хотелось бы понять, какие интриги плетет наш венценосный отец.

Хунши удивленно взглянул:

— Неужели ты до сих пор ничего не понял?

По одному лишь этому тону Иньжэн догадался, что фигура нового компаньона таит в себе немало загадок.

— Что вчера произошло? — спросил он.

Память сохранила лишь смутный образ юноши по имени Фуканъань. Странно, но аура этого человека дарила такое глубокое, почти забытое чувство безопасности, что Иньжэн тогда без малейших сомнений позволил себе забыться сном прямо в его руках.

Поняв, что Иньжэн блуждает в неведении, Хунши лукаво прищурился, предвкушая забавную месть.

— Вчера именно он отвез нас к лекарю, — уклончиво протянул он. — Старик действительно знает свое дело. Но видит небо, братец, вчера ты напугал меня до полусмерти.

А про себя подумал:

«О, как же мне не терпится взглянуть на твое лицо, второй дядя, когда ты узнаешь, кто этот господин на самом деле!»

Иньжэн виновато потрепал мальчика по волосам:

— Прости меня, Хунши. Я не хотел.

Эти слова заставили былую обиду вспыхнуть с новой силой.

— Чтобы это было в последний раз! — запальчиво потребовал Хунши.

— Обещаю, — мягко улыбнулся Иньжэн.

— И ты будешь послушно принимать снадобья!

— Хорошо.

— Целебный отвар, который я велел приготовить Цзылань, — трижды в день, до последней капли!

—... Договорились.

Превозмогая тошноту, Иньжэн проглотил вязкую, отвратительную на вкус кашу, а следом, зажав нос, осушил огромную чашу горького снадобья. Внутри у него все стонало от раскаяния: зачем только он поддался порыву слабости и пообещал этому негоднику потакать его прихотям? Мысль о том, что подобное истязание ждет его ежедневно, лишила сладости даже засахаренные фрукты, которыми он пытался заесть горечь.

Но настоящая головная боль началась тогда, когда двери его покоев вновь открылись, и вслед за Линь Яо вошел новоиспеченный компаньон — «Фуканъань». При взгляде на него Иньжэна осенило. Вспомнив уклончивые речи Хунши, он мысленно выругался:

«Ах ты маленький паршивец! Прекрасно ведь знал, кто это, но нарочно промолчал! погоди у меня, я найду способ с тобой рассчитаться...»

Он поднял глаза на вошедшего. Тот отвесил ему безупречный, почтительный поклон, однако он смотрел с торжеством и абсолютным пониманием. Иньжэн, славившийся своей невозмутимостью, впервые за долгие годы почувствовал, что его хваленое терпение трещит по швам, а грядущие дни обещают быть невыносимыми...

<http://bllate.org/book/18338/1793496>